

Гаязов Ленар Дельфарович

РЕСЕНТИМЕНТ В ТАТАРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Статья посвящена анализу татарского национального дискурса на основе феномена ресентимента. Автор обнаруживает неоднократное проявление ресентимента в сфере национального дискурса. Ресентимент признается одной из ключевых характеристик татарского национального дискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 63-66. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(470.41):1/14

Статья посвящена анализу татарского национального дискурса на основе феномена ресентимента. Автор обнаруживает неоднократное проявление ресентимента в сфере национального дискурса. Ресентимент признается одной из ключевых характеристик татарского национального дискурса.

Ключевые слова и фразы: ресентимент; национальный дискурс; «мораль рабов»; татарская культура; пессимизм; татарская история; «образ врага».

Ленар Дельфарович Гаязов

Отдел истории общественной мысли и исламоведения

Институт истории им. Ш. Марджани

Академия наук Республики Татарстан

lenar5i@mail.ru

РЕСЕНТИМЕНТ В ТАТАРСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА[©]

Понятие «ресентимент» было введено в философский язык выдающимся немецким философом Ф. Ницше в книге «К генеалогии морали» (1887 г.). На наш взгляд, оно является весьма перспективным в деле оценки постсоветского состояния татарской национальной творческой и научной интеллигенции.

Ресентимент (от фр. *ressentiment* – «злопамятность, озлобление») – философский термин, означающий чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагу»), бессильная зависть. Чувство слабости или неполноценности, а также зависти по отношению к «врагу» приводит к формированию системы ценностей, которая отрицает систему ценностей «врага». Субъект создает образ «врага», чтобы избавиться от чувства вины за собственные неудачи. Ресентимент является более сложным понятием, чем *зависть* или *неприязнь*. Феномен ресентимента заключается в сублимации чувства неполноценности в особую систему морали [10].

Сам Ницше рассматривал это явление в рамках дихотомии «мораль господ» и «мораль рабов». Он определяет ресентимент как базовую характеристику «морали рабов». Вот как он характеризует два вида морали: «Мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения, прежде всего, в противостоящем и внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, – ее акция в корне является реакцией. Обратное явление имеет место при аристократическом способе оценки: последний действует и произрастает спонтанно, он ищет своей противоположности лишь для того, чтобы с большей благодарностью, с большим ликованием утверждать самое себя, – его негативное понятие “низкий”, “пошлый”, “плохой” есть лишь последовый блеклый контрастный образ по отношению к его положительному, насквозь пропитанному жизнью и страстью основному понятию: “мы преимущественные, мы добрые, мы прекрасные, мы счастливые!”» [9]. Таким образом, «мораль господ» является инициативной, а «мораль рабов» – реактивной.

Состояние татарской интеллектуальной и творческой элиты, на наш взгляд, довольно точно подходит под такую характеристику, данную Ницше. В своей сущности она представляет собой реакцию на русскую цивилизацию. Эту суть некоторые представители татарской национальной интеллигенции выражают открыто, другие же более завуалированно. Вот что пишет писательница Ф. Байрамова: «И не надо строить из себя великих благодетелей, мы все прекрасно помним, как вы (*русские – прим. авт.*) пришли на наши земли и что сейчас от них осталось. Одна разруха. В одном авторы правы, сегодня мы уже не живем полноценной жизнью, а лишь “существуем”. Да, “благодаря” вам мы лишились собственного государства, нам пришлось отдать в жертву половину численности своего народа, а самим чуть было не превратиться, как вы, в “Фому, родства не помнящего”, оставшись без родного языка, веры и традиций» [1]. В данном случае известная представительница татарского национального движения всю вину за «плачевное», по ее мнению, состояние татарского народа перекладывает на русский народ, то есть мы видим проявление чувства враждебности к тому, что считается причиной неудач. Еще яснее эту мысль она конкретизирует, когда, рассуждая о башкирском национализме, говорит, что в качестве образа врага его акторы выбрали татар, и тут же задается вопросом: «а у нас разве нет исторического врага»? Он, по ее мнению, нужен для пробуждения исторической памяти и национального самосознания [3, с. 149-156]. Такие рассуждения ясно показывают, что основу татарского национального дискурса сегодня составляет феномен ресентимента.

Этот феномен проявляется также в татарской историографии. Как пишет историк В. Шнирельман, существование «постколониальной традиции» у нерусских этнических групп, в соответствии с которой их истории, какими бы своеобразными они ни хотят быть, заимствуют свою структуру из прошлой колониальной или имперской традиции и как бы постоянно ведут с ней диалог, выражается в создании иерархии взаимоотношений между доминирующей группой и этническими меньшинствами. Во взаимоотношении русской и татарской историографий это видно, во-первых, в возвеличивании кочевой татарской цивилизации в ответ на снисходительное отношение к ней земледельческой русской цивилизации. С другой стороны, это

выражается в попытке части татарских интеллектуалов отказаться от этнонима «татары», имеющего в русской историографии негативный смысл. Таким образом, они как бы стремятся быть собой, одновременно отказываясь от себя, в соответствии с нормами «колониальной модели» [14]. То есть татарская историография, длительное время развивавшаяся под существенным влиянием русской, в постсоветское время, когда появилась свобода интеллектуального творчества, не может освободиться от ее влияния и по многим вопросам апеллирует к ней.

Одной из характерных особенностей ресентимента являются пессимизм, чувства неполноценности и слабости. Это ярко выражено в татарском национальном дискурсе. Ввиду того, что представители татарской национальной интеллектуальной элиты являются в основном выходцами из народа, они являются носителями народных черт. Татарский народ же в силу продолжительного существования в условиях давления со стороны имперских властей приобрел чувство неполноценности, или, в терминологии татарского писателя З. Хакима, «хронической несвободы». Он, как никто другой, уловил «ущербный» характер татарской национальной культуры: «Теперь ответьте на вопрос: воспитывает ли наша литература, искусство и сегодняшний уклад жизни чувство собственного достоинства в подрастающем поколении татар? Нет! <...> Тут есть и ответ, почему в театрах, концертных залах, на национальных мероприятиях нет молодежи... Юность биологически тянется к свету, ей нужен простор, и поэтому она не вмещается в залы, где звучит меланхолия, тоска по деревне и однотипные песенки о “сандугач” (“соловей”), “сагындым” (“соскучился”) и т.д., молодым наплевать на то, кто виноват в сегодняшней действительности татар, им скучно слушать постоянные жалобы на судьбу и проклятия в адрес русских. Молодежь тянется к сильным, уверенным, обладающим потенцией на будущее... Молодым не интересна татарская культура, в ней они чувствуют душевный дискомфорт» [13, с. 3].

Представители татарской интеллигенции часто отмечают у татар наличие рабской психологии. Порицание своего народа является очередным примером ресентимента. «Многие интеллектуалы самых различных народов недолюбливают свой народ хотя бы потому, что интеллектуал видит дальше, знает, что существует возможность улучшения, часто – что существует возможность более нравственной жизни» [7]. Это явление есть и в татарском национальном дискурсе. В частности, многие представители татарской интеллигенции, характеризуя татарский народ, выделяют в числе его основных характерных черт такие свойства, как зависть и недоброжелательность татар друг к другу.

Сторонние интеллектуалы дают татарам схожую характеристику: «...татары на протяжении четырех с половиной веков (20 поколений) живут на положении граждан второго сорта с глубокой исторической травмой на уровне своего коллективного сознания, подвергаясь непрерывному культурному и моральному давлению не столько со стороны православной церкви, сколько со стороны секуляристской государственности и по существу языческого российского населения. В этническом самосознании татар это привело к образованию ярко выраженного комплекса неполноценности, стремлению к ассимиляции, своеобразному этнопсихологическому неврозу» [5]. Таким образом, мы видим трагическую неспособность большей части татарской интеллигенции, вышедшей из народа, преодолеть в себе чувство неполноценности, которое имманентно присуще татарскому народу как его базовая характеристика на современном этапе развития.

Тем не менее свободные от старых стереотипов представители татарской интеллигенции осуждают данную характеристику татар: «...татары из Татарстана болтают о том, что нас кто-то обижает. Кто обидел Нуриева, Ф. Мансурова? Если ты – мескен (*жалкий – прим. авт.*), значит, и твоя нация такая. И я хочу сказать митингующим: какое же ты имеешь право представлять нацию ущемленной? Я думаю, что татарская нация – великая, талантливая» [6, с. 228]. Но эти мнения З. Хакима и Р. Исрафилова скорее являются исключением.

В основном же вся татарская национальная культура, история занимаются созданием негативных образов. Если взять татарские литературно-художественные произведения, то наиболее резонансными среди них можно назвать эпос «Идегей», произведения Г. Исхаки «Зулейха», «Вырождение двести лет спустя». Эпос «Идегей» повествует о сложном периоде в татарской истории, о закате золотоордынского государства. Идегей предстает героической личностью, но личностью глубоко трагичной, символизирующей собой татарскую историю. И он в конце концов погибает. Зулейха представляет собой образ народа, подвергшегося насильственной христианизации. Произведение «Вырождение двести лет спустя» является квинтэссенцией татарского национального сознания. Оно повествует о прошлом, настоящем и будущем татарского народа, характеризует положение татарского народа. Уже из названия можно понять трагическое состояние, в котором, по мнению автора, пребывает татарский народ. Автор отводит татарскому народу двести лет существования, сто из которых уже прошли. Также следует упомянуть любимую всеми татарами пьесу Т. Минуллина «Альмендер из Альдермыш», одним из героев которой является персонаж Смерть, которая носит номер 1550. Сам автор пояснил, что побоялся в советское время, когда писалось это произведение, дать ей номер 1552; то есть потеря татарами своей государственности в 1552 году сравнивается известным татарским драматургом со смертью. Таким образом, в татарской литературе преобладают трагические образы.

Что касается истории, то здесь мы также видим примеры ресентимента. В данной связи следует упомянуть исторический рассказ Х. Атласи «Сююмбике». Эта казанская царица олицетворяет собой потерю татарами своей государственности. Одной из резонансных работ постсоветского времени является книга писателя В. Имамова «Запятанная история татар», в которой автор описывает участие татар в восстаниях против имперской власти, проводящей политику христианизации. Из более поздних работ можно отметить книгу

историка Н. Гарифа «Освободительная война татарского народа». В ней автор ярко описывает трагическую картину покорения Казанского ханства и последующий непростой период в истории татарского народа. С одной стороны, конечно, данные работы можно назвать стремлением воссоздать реальную картину той эпохи, что было невозможно сделать ранее в силу идеологизации истории. Но, с другой стороны, постоянное представление русских как захватчиков лишь подтверждает, что татарская историческая наука заражена ресентиментом. Ведь как мы утверждали ранее, ресентимент означает чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагу»). В данном случае акция ресентимента как раз является реакцией. Она создает образ врага, внешнего раздражителя. Татарский национальный дух направлен не на то, чтобы утверждать себя, не на то, чтобы производить что-то новое, быть источником обновления, изменения, духовного развития, а на то, чтобы оправдать свое безрадостное положение политикой духовного порабощения, политикой ассимиляции со стороны русских.

Ресентимент передается от поколения к поколению через символы, образы. К примеру, созвучны произведения Х. Атласи «Сююмбике» и М. Хабибуллина «Сююмбике-ханбике и Иван Грозный», относящиеся к разному периоду. В них представлена последняя казанская ханбике Сююмбике, и ее увоз вместе с сыном является символом потери государственности и последующих страданий татарского народа. Поэтому День памяти у татар, когда вспоминаются те трагические дни, сопровождается шествием, которое оканчивается у башни Сююмбике. Эти образы вовлекают читателя в страдания народа, и он сам становится субъектом, участником этих страданий. Также ресентимент передается через воспитание, образование. Так как национальная интеллигенция оказывает несомненное влияние на становление идентичности, мировоззрения народа, то такая акцентуация внимания на потери государственности ведет к обратному эффекту – у народа, и без того переживающего в себе чувство неполноценности, это чувство только еще больше обостряется.

Происходит своего рода переключки между эпохами: как и раньше, так и сейчас главная проблема татарского народа участникам татарского национального дискурса видится в потере государственности и дальнейшей политике давления со стороны имперской власти. Возникает замкнутый круг. «Важнейшим отправным пунктом в формировании ресентимента является, по Шелеру, импульс мести. Что же, собственно, превращает его в ресентимент? Условиями этого превращения являются сознание бессилия, вытеснение, торможение и перенос непосредственной ответной реакции. Главным условием сдерживания последней Шелер называет сознание собственного бессилия. Оно вызывает чувства подавленности, робости, боязни, страха, парализует способность открыто выражать свои чувства и действовать, как “подсказывают” аффекты. “Вытеснение” происходит тогда, когда аффект, желание наталкиваются на чувство немоги (если нет реальной силы или власти) либо запрет (если реальная власть есть, но по известным причинам ею нельзя воспользоваться). В отличие от скорого смирения, прощения, желания забыть, вытеснение импульса и, как следствие, его торможение ведут к переносу акта мести на будущее, более подходящее время и таят в себе опасность ресентимента» [11]. То же самое мы видим у субъектов татарского национального дискурса. При отсутствии реальных рычагов власти для осуществления преобразований с целью возрождения татарского народа ими овладевают пессимизм и чувства бессилия. Бессилие порождает ненависть, из которой далее возникает ресентимент.

Кроме того, в татарском национальном дискурсе есть еще один важный вид ресентимента. Он заключается в том, что татарская интеллигенция причины неудач в возрождении татар видит в неспособности татарстанской власти понять национальные проблемы и решить их. В данном случае татарстанская власть, которая состоит преимущественно из татар и поэтому, как предполагается, должна осуществлять их национальное возрождение, выступает в качестве внешнего раздражителя, причины, из-за которой полноценное возрождение татарского народа не представляется возможным. Татарский историк Н. Давлет утверждает: «...мне кажется, что десять лет суверенитета прошли во многом впустую – в том числе и по вине татарстанских властей. Надо было в то время активнее вводить татарский язык» [4, с. 198]. Татарский историк и участник татарского национального движения Р. Мухаметдинов пишет: «...президент не выполнял собственные же указы, вся деятельность Госсовета РТ и правительства свелась к принятию множества решений и программ в этой сфере, которые практически не осуществлялись» [8, с. 72]. Еще более жестко о татарской власти выражается Ф. Байрамова: «...нельзя ставить в руководство государством бесчестного и глупого человека, являющегося рабом империи, испытывающего к ней страх, относящегося к своему народу пренебрежительно... Пока во главе государства будут находиться продажные люди, татарский народ не будет иметь ни свободы, ни благодати, ни счастья» [2, б. 149-150].

В ответ на неспособность татарстанской власти осуществить необходимые преобразования у значительной части татарской интеллигенции возникло чувство разочарования. По мнению Р. Мухаметдинова, «в настоящее время татарский народ, его интеллигенция и руководители общественных организаций испытывают чувство глубокого разочарования и горечи оттого, что духовно-культурная часть суверенитета, связанная с возрождением татарского языка, культуры, во многом не была осуществлена» [8, с. 72].

Резюмируя сказанное выше, можно сделать следующие выводы. Современный татарский национальный дискурс весьма точно характеризуется через понятие ресентимент. У татарских интеллектуалов он выражается в основном в двух формах. Во-первых, в том, что они главную вину за судьбу татар возлагают на русских, прямо или опосредованно создавая в их лице «образ врага». Во-вторых, вину за состояние татарского народа татарская интеллигенция возлагает на татарстанскую власть, считая, что она ответственна за неутешительные, по ее мнению, итоги возрождения татарского народа. В обоих случаях причина плачевного

состояния татар находится на стороне. Власть – в одном случае федеральная, имперская, во втором случае – татарская выступает в качестве «врага», «внешнего раздражителя», в ответ на что на арену выходит «мораль рабов», или ресентимент. Наличие отдельных представителей татарской интеллигенции, позитивно смотрящих на положение татар, на его проблемы, призывающих не демонизировать действительность, является исключением. Большая часть татарской интеллигенции находится в плену ресентимента, от которого нужно избавляться. Как говорит М. Сабиржан, «необходимо посмотреть на проблему изнутри. Мы все время говорим о том, что нужно бороться против чего-то. Мол, Россия наступает, Россия давит. Или власть наступает, власть давит. На храме Аполлона в Дельфах написано: “Познай самого себя”. Мы, татары, должны познать самих себя. Кто мы? Для чего мы существуем» [12]?

Национализм хорош только тогда, когда мыслящая часть народа – интеллигенция – не показывает его лучшим среди всех других народов и уж тем более не стремится увидеть в другом народе «врага», тем самым играя на национальных чувствах народа, а лишь, испытывая несомненную любовь к своему народу, предпринимает усилия для его развития. Кроме того, сам факт наличия в татарском национализме такого явления, как ресентимент, свидетельствует о его нездоровом характере и необходимости его трансформации. Представители татарской национальной интеллигенции должны творить, показывать своему народу ориентиры, служить для него источником духовной пищи, должны вызывать гордость, как это делал тот же Ф. Мансуров, а не апеллировать к власти, не высказывать постоянные жалобы на свою судьбу, не страдать пессимизмом и чувством неполноценности.

Список литературы

1. Байрамова Ф. А. Мы – татары, а не русские! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/article23855.htm> (дата обращения: 20.05.2011).
2. Бэйрэмова Ф. Ә. Заман. Милләт. Кеше. Казан: Аяз, 2000. 304 б.
3. Бэйрэмова Ф. Ә. Төп бурыч – милли аң тәрбияләү // Татарская нация в XXI веке. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 456 с.
4. Давлет Н. Век обмана // Татарский век глазами национальной элиты: 100 выдающихся татар. Казань: Парадигма, 2005. 656 с.
5. Джемаль Г. Д. Какой империей является Россия? [Электронный ресурс]. URL: <http://mesogaia-sarmatia.narod.ru/djema1-islam01.htm> (дата обращения: 05.06.2011).
6. Ибрафиллов Р. Чем ближе к Богу, тем сильнее молния // Татарский век глазами национальной элиты: 100 выдающихся татар. Казань: Парадигма, 2005. 656 с.
7. Кротов Я. Г. Богочеловеческая комедия [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/yakov/2_chlvk/2_svoystva/resentiment.htm (дата обращения: 25.07.2011).
8. Мухаметдинов Р. Ф. Идеино-политические течения в постсоветском Татарстане: 1991-2006 гг. Казань: Тамга, 2006. 232 с.
9. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/NICSHE/dobro_i_zlo.txt (дата обращения: 15.06.2011).
10. Ресентимент [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ресентимент> (дата обращения: 12.07.2011).
11. Ресентимент, оценка, знание и социальное действие в учении Макса Шелера: опыт исследования социологии чувств [Электронный ресурс] // Социологический журнал. URL: <http://www.socjournal.ru/article/360> (дата обращения: 27.08.2011).
12. Сабиржан М. Татарский путь // Звезда Поволжья. 2009. 4-16 июня.
13. Хаким З. Диагноз: хроническая несвобода // Идель. 1996. № 1-2.
14. Шнирельман В. А. Миф о прошлом и национализм [Электронный ресурс]. URL: <http://mncipi.narod.ru/t004.htm> (дата обращения: 15.12.2010).

RESSENTIMENT IN TATAR NATIONAL DISCOURSE: QUESTION FORMULATION

Lenar Del'farovich Gayazov

*Department of Social Thought History and Islamic Studies
Institute of History named after Sh. Mardzhani
Academy of Sciences of Republic of Tatarstan
lenar5i@mail.ru*

The author analyzes Tatar national discourse on the basis of resentment phenomenon, reveals repeated resentment manifestation in the sphere of national discourse, and shows that resentment is recognized as one of Tatar national discourse key characteristics.

Key words and phrases: resentment; national discourse; “slaves’ morality”; Tatar culture; pessimism; Tatar history; “image of enemy”.